

С. С. Ваулина, Н. А. Суворова

ОППОЗИЦИЯ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
В ФОРМУЛАХ ЧЕЛОБИТНЫХ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ПИСЬМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА

14

На материале челобитных как жанровой разновидности деловых памятников письменности в начальный период формирования русского национального языка рассматривается специфика функционирования формул, входящих в состав фразеологических единиц. Посредством функционально-семантического анализа оппозиции модальных значений возможности/невозможности, реализующихся в формулах челобитных, выявляется их роль в структурировании указанного делового документа, отражающего культуру коммуникации и социальных взаимоотношений в исследуемый исторический период российского общества.

Using the texts of petitions as a genre of business correspondence in the initial period of the formation of the Russian language, the authors explore the specifics of the formulas that make up phraseological units. Employing a functional-semantic analysis of the modalities of possibility/impossibility in the texts of petitions, the authors identify the role of these modalities in the structure of business documents reflecting the culture of communication and social relations during the studied period in the history of Russian society.

Ключевые слова: деловой язык, челобитная, фразеологизмы, формулы, культура деловой коммуникации, прагматика делового текста, модальное значение возможности, оппозиция модальных значений.

Keywords: business language, petition, phraseological units, formulas, business communication culture, business text pragmatics, modality of possibility, opposition of modalities.

Фразеологизмы, представляющие собой национально-специфические единицы языка, являются, по определению Т.Г. Никитиной, «этнокультурными маркерами языкового сознания» [8, с. 111], а «образная форма фразеологизмов настраивает на вызывание в памяти культурных смыслов» [3, с. 146]. Именно поэтому функциональный аспект их изучения находит объективную связь с лингвокультурологическим методом исследования, что убедительно продемонстрировано в монографии М.Л. Ковшовой «Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры» [3].

В плане сказанного несомненный интерес представляет изучение фразеологизмов в диахроническом аспекте с обращением к ключевым периодам истории русского языка, среди которых заметное место занимает начальный этап формирования русского национального языка (вторая половина XVII – начало XVIII в.). Этот этап был ознаменован

яркими демократическими процессами в языке, в том числе сближением литературного языка с разговорным и деловым, который отразился в различных жанрах деловой письменности того времени, особенно в текстах многочисленных грамоток и челобитных, демонстрирующих «широкий охват русской действительности XVII в., богатство бытовыми подробностями... разнообразие лексико-фразеологического фонда» [8, с. 3].

Среди различных фразеологических средств, используемых в челобитных, важную роль играют формулы. В качестве единиц с постоянной синтаксической структурой, «воспроизводимой в данном виде актов по традиции, и известной устойчивостью лексического состава» [2, с. 44], формулы выступают ключевыми единицами построения текста, закрепившимися в нем «в результате общественной практики как устойчивое обозначение отношений» [5, с. 22], как отражение особой культуры деловой коммуникации и типичных культурных связей коммуникантов.

Цель автора челобитной — максимально воздействовать на чувства адресата, к которому обращена его просьба или жалоба, — определяла использование комплекса языковых средств высокой эмоциональной заряженности, в том числе модальных, которые должны были вызвать у адресата жалость, сочувствие, пробудить желание оказать адресанту конкретную помощь. Устойчивые, воспроизводимые по традиции конструкции-клише конструируют все части челобитной, но прагматически наиболее необходимо их присутствие в «казусном» (термин С. С. Волкова), или просительном, фрагменте документа, где автор должен был описать создавшуюся у него ситуацию как крайне затруднительную, непреодолимую, разрешить которую самостоятельно он не может. Поэтому преимущественным модальным значением, реализующимся посредством формул, является значение возможности, выступающее в бинарной оппозиции с отрицательным модальным вариантом — значением невозможности.

Реализация модального значения возможности в текстах челобитных представлена с помощью формул в высшей степени эмоционально и экспрессивно. Доминантой ряда формул, передающих эмоциональный пафос просящего, становится предикативная конструкция *(в) конец (до конца) погибати*, эксплицирующая значение невозможности, которое соотносится с представлением о предельном состоянии человека между жизнью и смертью. С этой точки зрения вполне объяснимо, что именно данная формула завершает ряд однородных формульных экспликаторов значения невозможности в челобитных, являясь заключительным аккордом, передающим безысходность ситуации, ощущение катастрофы, неминуемо ведущей к истинной гибели. Ср.:

...А въ нашей, государи, украине голодь великой хлебной, да и травныя, государи, деньги Староста на насъ, сиротахъ, правилъ сходы по четыре и болши, и нашя мочи, государи, не стало, все погорели, все изошли дочиста, до основаня, *погибли въ конецъ* (Акт. б., с. 41);

...Петр Прокопьев Михайловых, утаясь меня, сироты... взял тот мой вотчинной родственной осьмой жеребей деревни на оброк... А я, сирота, без того жеребья своего ныне скитаюся меж двор и *до конца погибаю* (Писц. дел., с. 241).

Семантика глагола *погибати* 'умирать; переставать существовать' (СлРЯ XI—XVII вв.) способствует выражению в тексте состояния невозможности как следствия недееспособности автора челобитной, а сочетание данного глагола с обстоятельственным наречием степени действия (состояния) *въ конецъ (до конца)* сообщает предельную напряженность предикативному признаку предложения-высказывания и задает высокую степень экспрессивности формулы. При этом семантика *внутренней* невозможности раскрывается в контексте как состояние «гибели» субъекта, материально, физически или морально «опустошенного». Ср.:

...А мы тое Съезжую избу стережемь многие люди другой годъ, и отъ тое государевы сторожи мы, бедные, *въ конецъ погибли* (Акт. М III, с. 190);

Отъ его, Клементьева, смертнаго бою ... многие наша братья разбрелись, а мы достальные *въ конецъ погибли*, да изъ насъ же били челомъ тебе 97 человекъ (там же, с. 163).

Приведенные примеры показывают, что формула *(в) конецъ (до конца) погибати* эксплицирует значение невозможности, детерминированное максимально емким содержанием, с нагнетанием эмоционального компонента предикативного признака, поскольку внутренний образ этой фразеологической единицы замкнут на состоянии смерти.

При этом тексты челобитных отражают стремление адресанта создать наиболее проникновенную картину своего бедственного положения. Согласно культуре написания челобитных передача эмоциональной напряженности ситуации невозможности достигалась пишущим с помощью использования в пропозиции высказывания ряда функционально однородных формул, в градации передающих состояние просителя. Ср.:

И мы, бедные сироты твои... *вконец разорились и домишков своих отбыли*, что *пить-есть нечево*: хлеб вызяб до основанья, и ядим зяблую мекину и солому (Писц. дел., с. 20);

...А которая рожь и овесь и сеяны, и то все отъ дождей затошло, и отъ того мы оскудали всемь... и промыслишковъ своих отбыли и *въ конецъ погибли* и многие *бродягъ межъ дворъ* и *питаются Христовымъ именемъ*, а иные *врознь разбрелись* (Акт. М III, с. 238).

В приведенных примерах функционирование формул в конструкции без зависимого инфинитива представляет состояние невозможности субъекта-просителя безотносительно к совершению им какого-либо действия, настраивая, таким образом, адресата на восприятие всеобъемлющего характера описываемой ситуации. Сказанное подтверждает известное мнение, что именно смысл, а не значение — категориальный признак формулы [4].

Традиционно формула (в) конец (до конца) погибати коррелировала с конструкциями помирати голодною смертью, пить и есть нечего, бродити (скитатися) по (в) миру (меж двор(ы)), розбрестись врознь, домишков своих отстать (отбыть), вместе с которыми — благодаря внутренней форме фразеологических единиц — являла собой актуальную проекцию быта работника, крестьянина.

Так, формула *помирати голодною смертью*, представляющая ситуацию внутренней невозможности, детерминированную недостатком продуктов питания из-за имущественного разорения автора челобитной или заключением его под стражу, может вступать в пояснительные отношения с формулой (в) *конец (до конца) погибати*, конкретизируя обстоятельства «гибели», когда формулы конструируют один модальный контекст. Ср.:

А мы, сидя в осаде, *помирали голодною смертью*, безъ воды и безъ хлеба многое время были (Акт. М III, с. 42);

...Помилиуі гсдрь беднаго сироту возри на беспомошного даі бедному свет видат не даі бедному вконец погинуть *погибаем* гсдрь *вконец*... *голодною смертию помираем* смилуіся гсдрь пажалуі (ИРНРЯ, с. 233).

Согласно жизненному крестьянскому укладу семья, живущая в своем доме, должна была вести хозяйство, возделывать землю, работать на барщине, нести другие повинности. В челобитных описывается бедственное положение крестьянского хозяйства, вследствие которого его глава не мог (оказывался не в состоянии) выполнять свои обязанности и был вынужден скитаться, что подчеркивается содержанием таких формульных конструкций, как *бродити (скитатися) по (в) миру (меж двор(ы)), розбрестись врознь, домишков своих отстать (отбыть)*. При этом содержание данных и подобных формул вступает в причинно-следственные связи с внутренним образом формулы (в) *конец (до конца) разорятися*, что усиливает экспрессию реализуемого в таких случаях модального значения невозможности. Ср.:

И я, Левка, въ домишку своемъ не бывальъ седьмой годъ, и людишка и крестьянишка у меня розбрелись, а женишка моя и детишка *волочатся межѣ дворѣ* (Акт. М III, с. 42);

...Не вели, государь, ему, Петру Протопопову с товарищи, быть у нас сирот своих, в Чаронской округе впредь писцом, что мы, бедные сироты, от нево, Петра, *вконец раззорились*... многие крестьянишка *врознь бредут* (Писц. дел., с. 119).

В случаях, когда автор челобитной использовал подобные формулы в одном предложении-высказывании с другими лексическими и синтаксическими средствами выражения семантики возможности, они отражали типичные, принятые в культуре написания челобитной микроситуации, детерминирующие частное значение невозможности, а в содержании предложения-высказывания указывалась причина невозможности челобитчика выполнить то или иное действие. Ср.:

И ныне на мне, сироте твоём, в откуп правят рубль. И мне, сироте твоему, того откупу платить стало нечем, потому обнищал, *скитаюся в мире Христовым именем* (Кр. чел., с. 57);

И отъ техъ, выборовъ монастырския вотчины и отъ хлебнаго недороду до конца разорились, и многіе крестьянишка *разбрелись врознь*, и многіе дворы запустели и твоихъ податей всякихъ съ техъ пустыхъ дворовъ давать и тягла тянуть некому (Акт. М Ш, с. 242).

В результате пишущий, используя несколько формул в тексте одного документа, воспроизводил сразу несколько микроситуаций, и состояние просителя было представлено как чрезвычайно тяжелое, а, следуя друг за другом, формулы призваны были оказать сильнейшее эмоциональное воздействие на адресата документа, чтобы вызвать у него живой положительный отклик.

При этом в интересах просителя важно было в тексте челобитной создать представление о том, что адресат владеет создавшейся ситуацией, может повлиять на положение дел и удовлетворить просьбу автора челобитной. С этой целью в ее просительной части употреблялась формула, демонстрирующая волеизъявление адресанта, желающего подчеркнуть «свободу того, кому адресована челобитная, в той или иной степени удовлетворить просьбу челобитчика» [1, с. 98]. Ср.:

Милосердый государь, царь... пожалуй нас за нашу службу и разоренье и городовья поделки, *какъ тебе* объ насъ бедныхъ *Богъ извѣститъ*, чтобъ намъ пристанищъ своихъ не отбыть и тебе впредь быть слугами... а намъ въ разореньи не быть (Акт. М Ш, с. 232).

И хотя очевидно, что решение вопроса об удовлетворении просьбы находилось во власти адресата челобитной, коммуникант-проситель сознательно включал эту формулу в текст, чтобы подчеркнуть, что надеется на добрую волю царя или хозяина-землевладельца. Противоположность двух потенциальных ситуаций — состояния невозможности просителя и состояния возможности адресата челобитной — складывалась в связи с надеждой пишущего на обязательное решение возникшей проблемы. Ведь если челобитчик доведен до состояния абсолютной невозможности вести свое хозяйство, работать на земле, выполнять свои обязанности, например, при царском дворе, а адресат прошения наделен большими возможностями разрешать имущественные, правовые вопросы, то пишущий сознательно стремится подчеркнуть различие их социального положения. Будучи социально маркированными единицами языка [6, с. 38], такие формулы с семантикой возможности/невозможности в челобитных были основой в построении культурной оппозиции субъектов деловых отношений.

Пришедшие в деловую письменность из книжного языка формулы *как (что, чем) вам (тебе) ... обо мне (нас) ... (Господь) Богъ по сердцу положит (благоволит, возвестит, изволит)* и *как тебя Богъ наставит (вразумит)* были средством эмоционально-экспрессивной оценки и поэтому стали в челобитных наиболее эффективным средством выражения модальной семантики *деонтической* возможности в сочетании с семан-

тикой желательности. Возможность субъекта, согласно устоявшейся традиции обозначаемая термином логики «деонтическая возможность», была каузирована, с одной стороны, нравственными нормами общества, юридическими, социальными и служебными обязанностями лица, а с другой — проявлением самого волеизъявления субъекта. Этим формулам челобитных свойственен похожий внутренний образ, отражающий богоцентрическое представление о жизни людей, в опоре на который, по мнению Н.Г. Самойловой, появилось значение '*сколько (что, как) тот, к кому обращаются с просьбой, считает нужным, возможным, как ему вздумается*' [9, с. 104]. Ср.:

Милосердный государь, царь... пожалуй меня, вели меня поверстать своимъ жалованьемъ, помеснымъ окладомъ и деньгами, *какъ тебе Богъ известитъ* (Акт. М III, с. 48);

Милосердный государь, царь... вели мне дать свое денежное жалованье на подъемъ, чем бы мне на твою службу подняться и въ Смоленску изъ своихъ запасовъ, *какъ тебе Богъ известитъ* (там же, с. 150).

Близкой по своей модальной направленности является формула *ты (вы)... воле (вольны) со мною (нам, ними)*, репрезентирующая в текстах челобитной значение деонтической возможности и имеющая цель подчеркнуть существующую возможность «государя» совершать какие-либо действия по своему желанию. Ср.:

...В том я, сирота твои, виноват пред тобою... что без отпуску глупостью своею сшол с твои боярской работы, *ты волен*, государь, и *со мною*, сиратою своим (Кр. чел., с. 31);

...А в новине без дву аршин К да нонешнева сбору на Фетке Тимофееве оброку не дал пятнатчет алтын да на Андрюшке Патреевее гривна *ты волен* гедрь і с ними *что имъ ни укажеш* (ИРНРЯ, с. 219).

Функциональным синонимом вышеназванной формулы выступает конструкция со значением деонтической возможности *что (кому, как, на сколько) ты... укажеш (изволишь, пожалуешь)*. При этом однородность формул *что (кому, как, на сколько) ты... укажеш (изволишь, пожалуешь)* и *ты (вы)... волен (вольны) со мною (нам, ними)* в контексте становится условием для появления причинно-следственных отношений между их содержанием (см., например, последний из вышеприведенных контекстов их употребления). Обладая менее экспрессивным значением, чем формулы с лексемой *Бог*, эти конструкции употреблялись просящим не столь часто. Лексико-семантическое своеобразие глаголов-каузативов в формуле содержательно определяет социально обусловленные роли коммуникантов: зависимое положение в иерархии отношений закреплено за адресантом, просящим повлиять на ситуацию, а регулирующее — за субъектом предметной ситуации возможности. Ср.:

...И чтобъ ты ихъ пожаловаль, велель имъ давати изъ своихъ хлебныхъ смоленскихъ запасовъ въ цену, *по сколько ты укажеш*, чтобъ имъ, будучи на твоей службе въ Смоленску, голодную смертью не помереть (Акт. М III, с. 122);

Милосердый государь, царь... веди насъ ведать, мимо его, Клементья, кому ты укажешь, чтобъ намъ... въ конецъ не погибнутьи врознь не розбрестить (там же, с. 163).

Существенно реже формул-экспликаторов значения *деонтической* возможности, представленных нами выше, встречается в текстах челобитных предикативная конструкция (*в том*) *воля твоя (ваша)*, зафиксированная преимущественно в текстах грамоток и писем государственной важности, но иногда встречающаяся и в челобитных, в ее просительной части. Особенностью актуализации семантики возможности в предикативной части высказывания является реализация в контексте значения лексемы *воля* и постепенная утрата постоянного места в неформулярной части писем. Как и семантика предыдущих формул *деонтической* возможности, модальная семантика данной формулы носит в челобитных акцентирующий, подчеркивающий характер. Ср.:

По симъ ведомостямъ не послать ли чего и отъ Бориса пехоты, хотя бѣ два полка, толко *буди во всемъ воля твоя*, милостивого государя (ПБП II, с. 239);

...Какъ небожчикъ гетманъ Богданъ Хмельницкой царскому величеству съ Войскомъ Запорожскимъ... присягали, такъ мы и ныне на томъ стоимъ; а ныне сверхъ того *какъ ваша* старшихъ *воля*, мы съ вашей воли не съемаемъ (АЮЗ IV, с. 39).

Итак, оппозиция модальных значений внутренней и внешней, *деонтической*, возможности, выраженная формулами челобитных, свидетельствует о том, что в письменности второй половины XVII — начала XVIII в. отношения субъектов деловой коммуникации социально и культурно обусловлены. Формульность текста челобитных — не просто отражение стандарта оформления текста, но доказательство глубоко осмысленных коммуникативных ролей, в исполнении которых внутренний потенциал формул используется в противопоставлении возможностей просящего и адресата челобитной. Анализ формул, эксплицирующих семантику возможности, позволяет расширить представления о быте и жизни людей, их культуре общения, о традициях создания письменного текста делового содержания, модальность которого является важнейшим текстообразующим фактором.

Список литературы

1. Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л., 1974.
2. Волков С. С. Стилевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XVII века (на материале челобитных) : дис... д-ра филол. наук. Л., 1980.
3. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М., 2016.
4. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.
5. Кортава Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. М., 1998.

6. Крысин Л. П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. №4. С. 26–41.

7. Леонова Ю. Ю. Языковая объективизация просьбы в челобитных XVII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. URL: www.prlib.ru/item/694246 (дата обращения: 17.05.2018).

8. Никитина Т. Г. Пословицы с компонентами-астионимами: лакунарность и межъязыковой параллелизм // Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2014. №4. С. 111–115.

9. Самойлова Н. Г. Устойчивые словосочетания в частной переписке XVII – начала XVIII в. (к вопросу о формировании устойчивых словосочетаний) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.

Список источников

21

Акт. б. – *Акты о быте помещиков и крестьян в XVII в.* // Чтение ОИРД. М., 1859. Кн. 2.

Акт. М III – *Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук / под ред. Д. Я. Самоквасова.* СПб., 1901. Т. 3.

АЮЗ IV – *Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археологической комиссией.* СПб., 1863. Т. 4.

ИРНРЯ – *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII в. М., 1964.

Кр. чел. – *Крестьянские челобитные XVII в.:* из собраний Государственного Исторического музея. М., 1994.

ПБП II – *Письма и бумаги императора Петра Великого.* СПб., 1889. Т. 2.

Писц. дел – *Акты писцового дела 60–80 годов XVII в.* / под ред. В. М. Буганова, В. В. Левшина. М., 1990.

Об авторах

Светлана Сергеевна Ваулина – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: svaulina@mail.ru

Наталья Алексеевна Суворова – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NSuvorova@kantiana.ru

The authors

Dr Svetlana S. Vaulina, Professor, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: svaulina@mail.ru

Natalia A. Suvorova, Assistant Professor, I. Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NSuvorova@kantiana.ru